

УДК 811.512.1:81'373.612
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-94-103

К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ СЛОВОФОРМЫ ЭЛЕК В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ СИБИРИ

М.Т. Тойчиев

Аннотация. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что установлены этимологическая общность словоформ *эле* и *элек* и их связь с древнетюркским глаголом *эр*; решена проблема адекватной обобщающей интерпретации процесса реализации модальности ещё неосуществлённого действия посредством причастных форм *элек/илик* и *l-галак*. При исследовании процесса актуализации модальной семантики автор исходил из морфологической членимости словоформы *элек*, компоненты которой представляют континуум трёх семем: *будущность действия* + *категоричность* + *статальность*, которые в итоге формируют значение, «находящееся в готовности к неременному осуществлению». Такая трактовка не отменяет, а, наоборот, детализирует общеизвестную версию о механизме формирования модальности ещё неосуществлённого действия, связанном с адвербиальным значением *рано*. Полученные результаты могут представлять практический интерес в плане их использования в процессе обучения студентов и аспирантов с целью постановки новых исследовательских задач.

Ключевые слова: кыргызский язык; тюркские языки Сибири; вспомогательный глагол; частица; категоричность; аффикс; статальность; парадигма; неосуществлённое действие.

СИБИРДЕГИ ТҮРК ТИЛДЕРИНЕ САЛЫШТЫРМАЛУУ КЫРГЫЗДЫН ЭЛЕК СӨЗ ФОРМАСЫНЫН ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯЛОО МАСЕЛЕСИНЕ КАРАТА

М.Т. Тойчиев

Аннотация. Изилдөөнүн теориялык жана практикалык мааниси *эле* жана *элек* сөз формаларынын этимологиялык жалпылыгы жана алардын байыркы түрк этиши *эр* менен байланышы аныкталгандыгында; *элек/илик* жана *l-галак* чакчыл формалары аркылуу ишке ашырылбаган иш-аракеттердин модалдуулугун ишке ашыруу процессин адекваттуу жалпылоочу чечмелөө маселеси чечилди. Модалдык семантиканын актуалдаштыруу процессин изилдөөдө автор *элек* сөз формасынын морфологиялык муунактуулугунан баштаган, анын компоненттери үч сөздүн бирикмесин: *аракеттин келечеги* + *чечкиндүүлүк* + *белгисиздик* маанилерин билдирип, алар акырында «дароо ишке ашырууга даяр турган» деген маанини түзө тургандыгын аныктаган. Мындай чечмелөө жокко чыгарбайт, тескерисинче, эрте адвербиалдык мааниси менен байланышкан али ишке ашырыла элек иш-аракеттин модалдуулугун калыптандыруу механизми жөнүндө жалпыга белгилүү божомолду деталдаштырат. Алынган натыйжалар жаңы изилдөө маселесин аныктоо максатында студенттердин жана аспиранттардын окуу процессинде аларды колдонуу жаатында практикалык кызыгууну жаратышы мүмкүн.

Түйүндүү сөздөр: кыргыз тили; Сибирдин түрк тилдери; жардамчы этиш; бөлүкчө; чечкиндүүлүк; аффикс; белгисиздик; парадигма; ишке ашырылбаган иш-аракет.

TO THE ISSUE OF ETYMOLOGIZATION OF KYRGYZ WORD FORM *ELEK* IN COMPARISON WITH THE TURKIC LANGUAGES OF SIBERIA

М.Т. Тойчиев

Abstract. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the etymological community of the word forms *ele* and *ek* and their connection with the ancient Turkic verb *er* are established; the problem of an adequate generalizing interpretation of the process of implementing the modality of an action not yet realized by means of the participial forms *ek/ilik* and *l-galak* is solved. When studying the process of actualization of modal semantics, the

author proceeded from the morphological articulateness of the word form *elek*, the components of which represent a continuum of three sememes: *the future of action* + *categoricity* + *stotality*, which ultimately form a meaning “ready for indispensable implementation”. This interpretation does not cancel, but, on the contrary, details the well-known version about the mechanism of formation of the modality of an action that has not yet been carried out, associated with the adverbial meaning of *early*. The obtained results may be of practical interest in terms of their use in the process of teaching students and postgraduates in order to set new research tasks.

Keywords: Kyrgyz language; Turkic languages of Siberia; auxiliary verb; participle; particle; categoricity; affix; stotality; paradigm; unfulfilled action.

Известно, что для современного кыргызского литературного языка характерна *модальность ещё неосуществлённого действия*, реализуемая посредством словоформы *элек*. Данный способ выражения модальности не характерен для кыпчакских и огузско-уйгурских групп, а встречается только в тюркских языках Сибири, в частности, в якутском языке имеется частица *илик* с аналогичной функцией, а в алтайском, хакасском, тувинском языках данная модальная семантика выражается посредством суффикса */–галак/*. Парадигма выражения этого достаточно специфического вида модальности в этих языках представлена неодинаково: в хакасском она признана в статусе самостоятельной формы в системе прошедшего времени [1, с. 220], в тувинском представляет одну из форм будущего времени [2, с. 391], а в якутском языке выделена в числе наклонений [3, с. 239], она также функционирует в алтайском, чулымском и шорском языках.

Наиболее близкой к кыргызской является парадигма в якутском:

Из приведённых в таблицах 1, 2 материалов явствует единообразие функционирования данного деепричастного оборота в сопоставляемых языках как в формальном, так и в семантическом плане. Однако он в них трактуется по-разному: если в якутском «...значение наклонения ещё не совершившегося действия выражает частица *илик*» [3, с. 449], то в кыргызском словоформа *элек* определяется как «*глагольное отрицание со значением пока ещё не*» [4, с. 448].

Слово *илик* лингвистами-якутоведами было исследовано достаточно подробно ещё в прошлом столетии [5, с. 12], они были едины во мнении относительно его грамматического статуса как *частицы*. Его соотносённость с зоной модальности впервые была установлена И.Е. Коркиной, которая рассматривала в качестве формы

наклонения несовершившегося действия [5, с. 246–247].

Следует подчеркнуть дискуссионность вопроса о происхождении слова *илик*. И.Е. Коркина считала, что «широта его синтаксических функций» указывает на его причастное происхождение [5, с. 242], но, по мнению Н.Е. Петрова, оно было изначально служебным словом, так как «эти широкие формальные и функциональные возможности являются свойством сочетания *деепричастие* + *илик* в целом, а не одной частицы *илик*» [6, с. 120].

В.Г. Карпов, исследовавший данный вид модальности в хакасском языке, в этой связи упоминает труды кыргызского лингвиста Б.О. Орузбаевой: «В киргизском языке якутскому “илик” соответствует “элек”, о котором бегло упоминает в своей диссертации Б.О. Орузбаева. Так как этот формант Б.О. Орузбаевой рассматривается в главе “Вспомогательный глагол *a* и его роль в образовании прошедшего времени” наряду с формами типа “окуду эле”, “окуган экен” и т. д., то можно заключить, что Б.О. Орузбаева возводит его к вспомогательному глаголу “э”» [7, с. 122].

Полагаем, что Б.О. Орузбаева могла считать самоочевидной связь словоформы *элек* с древнетюркским глаголом *эр* хотя бы исходя из наличия начального компонента *э* в её составе; на момент написания цитируемого труда отсутствовали какие-либо обобщения относительно обстоятельств происхождения словоформ *эле* и *элек*, что затрудняло рассматривать их в общем контексте, и это, безусловно, свидетельствовало об *актуальности* вопроса фактологического подтверждения постулируемой этимологической связи упомянутых словоформ с древнетюркским глаголом *эр*.

По мнению исследователя монгольского языка Б. Лувсандоржийна, форма на

Таблица 1 – Наклонение ещё неосуществлённого действия якутского языка в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком

Настоящее время			
Число	Лицо	Якутский язык деепричастие на /-а/-ыы/ + ...	Кыргызский язык деепричастие на /-а/-й/ + ...
Единственное число	1	<i>иликпин</i>	<i>елекмин</i>
	2	<i>иликкин</i>	<i>елексиң</i>
	3	<i>илик</i>	<i>елек</i>
Множественное число	1	<i>иликпит</i>	<i>елекпиз</i>
	2	<i>иликпит</i>	<i>елексиңер</i>
	3	<i>иликтер</i>	<i>елек(тер)</i>
Прошедшее время			
Единственное число	1	<i>илик этим</i>	<i>елек элем/болчумун</i>
	2	<i>илик этиг</i>	<i>елек элең/болчусуң</i>
	3	<i>илик этэ</i>	<i>елек эле/болчу</i>
Множественное число	1	<i>илик этибит</i>	<i>елек элек/ болчубуз</i>
	2	<i>илик этигит</i>	<i>елек элеңер /болчусуңар</i>
	3	<i>илик этилер</i>	<i>елек эле/болушчу</i>

Таблица 2 – Примеры употребления деепричастного оборота
деепричастие настоящего времени + илик / элек (приведены примеры из источника [3, с. 336–337])

Якутский язык	Кыргызский язык	Смысл высказывания
1. Москваны биһиги көрө иликпит	Москваны көрө элекпиз	Москву мы ещё не видели
2. Эн миэхэ биһрдэ да сылда иликкин	Сен менин үйүмдө бир да жолу боло элексиң	Ты у меня ни разу не был
3. Оҕолор оскуолаларыттан кэлэ иликтэр	Балдар али мектептен кел(иш)е элек	Дети из школы ещё не пришли
4. Мин кэлэрбэр эн тура илик этиг	Мен келер маалда сен али тура элек элең/ болчусуң	К моему приходу ты ещё не вставал
5. Былырыын мин улэҕэ киһрэ илик этим	Былыр мен али ишке кире элек элем/болчумун	В прошлом году я ещё не поступал на работу
6. Урут ааҕа илик кинигэм	Окуй элек китебим	Книга, не прочитанная мною раньше
7. Хаар түһэ илигэ мэкэйдээтэ	Кар(дын) түшө элеги жолтоо болду	Помешало невыпадение /букв.: не наступившее ещё выпадение/ снега
8. Буола илиги лахсыыыма	Боло электи айта бербэ	Не болтай об ещё не наступившем/ букв.: не болтай про ещё не наступившее!
9. Умна иликкэ биэриэххэ наада	Унута электе берип коюш керек	Пока не забыли, надо отдать
10. Кэлэ илигиттэн хотумсуйар	Келе электе(н) чоңсунат	Ещё до приезда командует

/-галаг/-гелег/ «возникла в саяно-алтайских языках под непосредственным влиянием монгольского языка...» [8, с. 30]. Поддержавшая мысль о таком влиянии исследователь якутского языка Н.Н. Широбокова в свою очередь конкретизирует ареал её возникновения: «Для якутского языка и других языков Южной Сибири эта форма может рассматриваться как результат влияния древнекыргызского языка или контактного развития древнекыргызского и древнеякутского языков на каком-то ограниченном этапе (наличие модальной отрицательной частицы *елек*)» [9, с. 82].

По мнению якутского учёного Г.Г. Филиппова, «...форма на *-а/-ыы + илик (елек)* в самом тюркском языке образовалась как калька монгольской формы. Очевидно, якутский язык перенял эту форму от киргизского языка, так как она имеет как аналитический, так и синтетический варианты употребления, тогда как для якутского языка характерна только аналитическая форма на *-а/-ыы +илик*» [10, с. 128].

Н.Н. Широбокова связывала происхождение частицы *елек* с вышеупомянутой частицей *эле*, исходя, помимо прочего, и из того факта, что «наиболее непротиворечиво она этимологизируется» на материале современного кыргызского языка; как она утверждает: «Усилительная частица *элэ* очень употребительна в киргизском языке. Она может быть сопоставлена с общетюркской частицей *ла* (*элэ > э+лэ*). Это говорит о наличии в значении данной формы семы усиления, которая передаётся при переводе словом “ещё”» [9, с. 88].

Кыргызская частица *эле*, кроме аффикса сказуемости, также принимает аффикс /-к/, образуя новую словоформу *елек*, которая в свою очередь является средством выражения *ещё неосуществлённого действия*, что указывает на её функции как у частицы. Здесь она выступает в сочетании с деепричастной формой настоящего времени на /-а/-й/:

11. *Качантан бери көрө элек* [11, с. 88] / *Давно ещё не видел* [подстрочный перевод М.Т.: *здесь и далее все случаи использования авторского подстрочного перевода на русский язык иллюстративных текстов имеют целью обеспечение большей наглядности исследуемого языкового факта, и эти переводы не могут*

рассматриваться кроме как в рамках настоящей работы].

Эта словоформа также по типу некоторых отглагольных частиц в ряде тюркских языков принимает аффиксы сказуемости:

12. *Мен муну сага айта элекмин* [11, с. 163] / *Я об этом тебе ещё не говорила* [подстрочный перевод М.Т.].

Однако из нижеследующего примера видно, что словоформа *елек* может функционировать как полноценное «строевое» слово, способное получать падежное и лично-притяжательное оформление, что не соотнобразится с частеречной идентификацией словоформы *елек* как частицы:

13. *Агаларым согушка кетип кабар жок, – экөө тең үйлөнө элегинде кеткен* [11, с. 63] / *Нет вестей от старших братьев, воевавших на фронте – оба ушли ещё неженатыми* / букв. *когда они ещё не женились* (подстрочный перевод М.Т.).

Представителями новосибирской синтаксической школы формант *-галак*, следовательно, и *илик/елек* рассматриваются в числе причастий алтайских языков [12, с. 148–151].

Видно, что словоформы *илик* и *елек* одинаково способны выступать в качестве любого члена предложения, хотя наблюдаются отдельные различия формального свойства (см. таблицу 1 и примеры 9, 10 таблицы 2). Предикативное употребление кыргызской причастной формы *елек* в третьем лице множественного числа в прошедшем времени возможно двумя способами: а) литературным и б) диалектным; при способе (а) *елек* выступает с нулевым аффиксом, изменению подвергается смысловой глагол (посредством аффикса совместного действия /-ыш/ с фонетическими вариантами); при способе (б) *елек* принимает аффикс множественности /-лар/ с фонетическими вариантами.

Как отмечается (и видно из таблицы 2), наклонение неосуществлённого действия в якутском языке имеет две формы времени: настоящее и прошедшее. А в кыргызском языке использование данного деепричастного оборота допустимо также в плане будущего времени, и оно осуществляется посредством вспомогательного глагола *бол* в значении *быть* в форме *настояще-будущего* времени:

14. *Сен жеткенде, ал тура элек болот* / букв.: *когда ты доедешь, он будет ещё не вставшим (с постели).*

В якутском языке «прошедшее время наклонения неосуществлённого действия образуется сочетанием его формы настоящего времени с формой *прошедшего категорического времени* от глагола *э-*» [3, с. 239]. Это в полной мере относится и к деепричастному обороту со словоформой *элек*, с той лишь разницей, что она наряду с упомянутой формой времени (в грамматиках современного кыргызского языка она называется *жакынкы айкын өткөн чак* [4, с. 351–352], т. е. *недавно прошедшее определённое время*) от глагола *э-* также может сочетаться и с глагольной формой *болчу* (см. таблицу 1).

Дело в том, что в кыргызском языке глагольная форма *болчу*, представляющая собой сочетание глагола *бол* в значении *быть, находиться*, с аффиксом */-чу/* формы прошедшего длительного времени */ адат өткөн чак* [4, с. 354], является равнозначной вспомогательному глаголу *эле* – видоизменённому варианту древнетюркской глагольной формы *э(р)ти*, и они взаимозаменяемы в качестве модификаторов форм прошедшего времени [13, с. 180].

15. *Данияр суудан келгенде, мен уктай элек элем* [11, с. 110] / *Когда пришёл Данияр, я ещё не спал* [11, с. 175].

16. *Таишчайнардан айрылгандан бери келе элек болчу* [14, с. 338] / *Со времени гибели Таишчайнара сюда она ещё не возвращалась* (подстрочный перевод М.Т.).

В кыргызском языке также употребительна слитная форма сочетания *деепричастие* на */-а/-й + элек/*:

17. *Бала болуп мен мындайды эч качан угалек элем* [11, с. 91] / *Ни до этого, ни после – никогда я не слышал такой песни* [15, с. 483].

18. *Бул сүрөттү мен али тартып бүтөлөкмүн* [11, с. 195] / *Я ещё не закончил работу над этой картиной* (подстрочный перевод М.Т.).

19. *Жок мен али көңүлдөгүнү табалекмин, иштин баары алдыда* [11, с. 195] / *Нет, я ещё не нашёл желаемого, вся работа ещё впереди* (подстрочный перевод М.Т.).

Как видно из приведённых примеров, при слиянии деепричастной формы со словоформой *элек* её начальная фонема *э* «выпадает», а также не соблюдается принцип сингармонизма: *угалек*, а не *угалак*, *бүтөлөк*, а не *бүтөлөк*, *табалек*, а не *табалак* – как это происходит, например, в хакасском языке, где также функционирует синтетическая форма.

В хакасском языке форма на */-галак/*, как отмечалось выше, представляет собой одну из форм *прошедшего* времени, выражающую *ещё не совершившееся, но ожидаемое действие*:

20. *Пу кизи тогызын тоосхалах* / *Этот человек ещё не закончил свою работу.*

21. *Суз тоңалах* / *Река ещё не замёрзла* [1, с. 220].

Она выступает также и как причастие:

22. «... *үргенгелек хызычах* / *девочка, которая ещё не училась*» [7, с. 122] / *ещё неучившаяся / неучащаяся девочка* (буквальный перевод М.Т.).

В алтайском языке форма */-галак* / «является производной и происходит в результате слияния древнетюркского аффикса глагольного имени */-гы/-гу/* со словом *элек* ‘рано’, которое, в свою очередь, восходит к недостаточному глаголу *э*: *бар+гы=элек* → *баргы+элек* → *баргалак* ‘ещё не ушёл’... Исследователи определяют её как двухаспектную форму *ещё не совершённого, ожидаемого (или ожидавшегося) действия*» [16, с. 390].

23. *Өскөлөкти өчөббө* (погов.) / *‘Над тем, кто ещё не подрос, не насмехайся’* [16, с. 391].

24. *Слердин жерде јодро бышкалак турбай* / *‘В вашем крае черёмуха ещё не поспела, оказывается’* [16, с. 298].

В тувинском языке форму на */-галак/* называют причастием *ожидаемого будущего*:

25. *Хүн үнгелек* / *Солнце вот-вот взойдёт.*

26. *Чараш-оол он сестээлек* / *Чараш-оолу вот-вот исполнится восемнадцать* [17, с. 21, 22].

Следует заметить, что в кыргызском языке эти значения выражаются средствами модальности *намерения*, т. е. пропозиция высказывания кодируется *будущностью*: *Күн чыкканы калды* / *Солнце вот-вот взойдёт*; *Чараш-оол он сегизге толгону турат* / *Чараш-оолу вот-вот исполнится восемнадцать*.

К.К. Юдахин приводит случай (вероятно, единичный) употребления в кыргызском языке синтетической формы с *элек* по хакасскому типу: *көрөлөк* [4, с. 448], что, однако, языковыми фактами не подтверждается.

Следует обратить внимание на то, что в случае сочетания словоформы *элек* с формой множественного числа глагола *эле* (см. таблицу 1) практически наблюдается дублирование *элек* / *элек*, поскольку именно так выглядит в кыргызском языке форма множественного числа глагольной формы *эле*. Ясно, что это вызывает определённые неудобства в восприятии, и поэтому обычно предпочитают использование вместо дублирующего *элек* его смыслового эквивалента *болчубуз*. Однако в сложных конструкциях, в частности, когда словоформа *элек* выступает в составе придаточного предложения, она может вполне гармонично взаимодействовать с формально не отличимым от неё вспомогательным глаголом *элек*:

27. *Концерт бүтө элек болгондуктан, биз аны кутуп калган элек / Поскольку концерт ещё не закончился, мы его дожидались.*

Здесь следует исходить также из семантической двойственности аффикса /-к/, присутствующего в составе как *элек*-причастия, так и *элек*-глагола.

В первом случае он представляет собой формант *статальности* /-к/, который в сочетании *эле* + (*е*)к функционирует по типу *ег-ик*=склонённый, *вик-ик*=согнутый, *тиз-ик*=исправный и т. д. [18, с. 317–319], выражая значение действия в плане статальности (результатив), и это соотносится с характеристикой слова *илик* в якутском и аффикса /-галак/ в хакасском (алтайском и др.) языках как частных.

Остаётся невыясненным вопрос о том, каким образом формируется модальное значение *ещё неосуществлённого* действия, маркером которого является словоформа *элек*.

Она состоит из трёх морфем: *э+ле+к*, причём морфема /э-/ обладает автономностью: она, как выше не раз отмечалось, представляет собой «усечённый» вариант недостаточного глагола *эр* в значении *быть*, т. е. является полнозначным словом.

По мнению И.А. Батманова, «глагол *ег...* по-видимому, в процессе грамматикализации превратился в одних языках (имеющих тенденцию к утрате конечного г) в аффикс «а», а в других – в «ар» для образования глаголов от имён. Впоследствии в одном языке могли встретиться две (в процессе заимствования из двух разных источников) разновидности этого аффикса. С другой стороны, этот же глагол *-er*, очевидно, превратился и в аффикс *-ar*, служащий для образования глагольно-именной формы «...» [7, с. 142; 19, с. 218–220; 20, с. 175].

На фоне этого авторитетного мнения, а также учитывая факт наличия суффикса *-ar* со значением настоящего-будущего времени в родственных хакасском [7, с. 142], алтайском [16, с. 374], тувинском [2, с. 386] и якутском [3, с. 228] языках, полагаем, что можно рассматривать глагольную сему первого компонента /э-/ обсуждаемой словоформы именно в плане настоящего-будущего времени. А в самом кыргызском языке суффикс /-ar/ выполняет функцию маркера предположительности [4, с. 349], что также относится к семантической зоне футуральности.

Здесь относительно грамматического признака первого компонента *э(р)* обсуждаемой словоформы возможны три версии, т. е. он мог представлять собой: а) причастие будущего времени; б) форму третьего лица настоящего-будущего времени глагола в значении *быть* в смысле *являться* (т. е. в англ. *to be: is, are*); в) *основу настоящего времени* глагола в вышеупомянутом значении, следовательно, как и все глагольные основы в тюркских языках мог одновременно представлять *повелительное наклонение*, что также функционирует исключительно в зоне будущности.

Мы склоняемся к последнему варианту как наиболее соответствующему начальной позиции морфемы в составе словоформы *элек*, так как у вариантов (а) и (б) налицо суффиксальное свойство.

Относительно второго её компонента, т. е. аффикса /-ле/, возможны две версии:

а) является фонетическим вариантом аффикса процессуальной интенсивности /-ла/;

б) является фонетическим вариантом ограничительно-выделительной частицы *ла*.

Мы же исходим из аффиксального характера /-ле/ и полагаем, что словоформа *эле* образовалась слиянием глагольной формы /э-/ с аффиксом процессуальной интенсивности /-ла/ с последующей грамматикализацией в функции частицы.

Третьим компонентом словоформы *элек*, как уже отмечалось выше, является формант /-к/, фиксирующий конечное, «имеющее место быть» состояние, т. е. статус, статальность.

Континуум вышеописанных трёх семем: *будущность действия+категоричность+статальность* формирует в конечном итоге значение, «находящееся в готовности к непременно-му осуществлению», т. е. значение, соответствующее тувинской парадигме, где статальность определяется футуральностью дейктического режима описания ситуации. И это не противоречит ни отрицающему (*ещё не...*), ни адвербиальному (*рано, раньше*) значениям, характеризующим речевые ситуации, маркируемые словами *элек*, *илик* и формантами /-галак/-гелек/.

Многие исследователи наличие инициального г аффикса /-галак/-гелек/ при синтетическом способе выражения обсуждаемой модальности связывают с именем действия /-гы/-гу/, который иногда называют также *причастием будущего времени* [21]. Однако мы полагаем, что здесь функционирует тот же описанный выше семантический континуум с той лишь разницей, что вместо деепричастной формы настоящего времени на /-а/-й/ используется аффикс /-гай/, являющийся одним из её фонетических вариантов:

28. «...*al-a-man* < *al-a-tur-ur-man* < *al-γaj-tur-ur-man* / я обычно беру, я возьму и т. д.» [22, с. 332].

Причастная форма *элек* подвергалась сильному влиянию ареальных особенностей произношения и в результате постепенно превратилась в суффикс с инициальным компонентом г с фонетическими вариантами.

По-видимому, отрицающее *ещё не...* «вкралось» много позже, переводя в кыргызском, хакасском и других языках (кроме тувинского) дейктический режим в плоскость прошлого-настоящего; способ лексикализации (идиоматизации) через *отрицание* (с целью более эффективной

констатации) распространён во всех языках / рус.: *немерено*=много, англ.: *unanswerable* (*неопровержимый*)=*true* (*правдивый*) и т. д.

Изначально форма с *элек/илик/-галак/* представляла форму будущего времени с оттенком уверенности. Известно, что подобные формы встречаются в некоторых индоевропейских языках, в частности, с такой семантикой связано употребление в определённых случаях английского модального глагола *shall*, кроме того, таджикская форма *хоҳад* (аорист глагола в значении *желать, хотеть*) в сочетании с прошедшим временем выражает несомненность, категоричность будущего действия [23, с. 193].

Полагаем, что на каком-то этапе исторического пути развития у словоформы *элек*, а также её фонетических вариантов: *илик* и /-галак/ в кыргызском, якутском, хакасском и алтайском языках стал преобладать нехарактерный их лексическому наполнению семантический статус, описание которого осуществлялось посредством отрицающей семы *ещё не...* Безусловно, этот процесс был неравномерным и достаточно продолжительным, а запущен быть он мог в результате любого речевого акта узкоситуативного характера: случайно обронённая при частной беседе или специально произнесённая на публике, либо употреблённая в дипломатической переписке или прозвучавшая в песне поэта-импровизатора и т. д. и т. п. фраза подобного свойства при соответствующих (предрасполагающих к тому) обстоятельствах могла быть подхвачена другими, постепенно становясь достоянием широких масс в сопредельных ареалах распространения родственных языков. То есть в родственных языках (кроме тувинского) Древней Сибири имел место обычный процесс лексикализации, в результате которой причастная форма с семантикой категорического будущего времени стала нести отрицающее значение (*пока*) *ещё не...*

Размышления о возможных причинах сохранения первоначального значения в тувинском опять уводят нас в сферу гипотез и предположений, поскольку истинные обстоятельства этого явления покрыты беспросветным мраком древности; быть может, этому поспособствовала ограниченность ареальных контактов из-за каких-то геополитических причин.

На сегодняшний день словоформа *элек* (*илик*, */-галак/*) обладает статусно-семантической двойкостью, т. е. она одновременно является и *динамичной*, и *статичной*; первое проявляется в тувинском языке, когда актуализируемая векторность (направленность в будущее) пропозиции эксплицируется при статичности, имплицитной фактивностью прошедшего времени и текущего момента (мгновения); второе отражается в кыргызском, якутском, хакасском и алтайском языках, когда происходит обратное: эксплицитна актуализируемая статичность при имплицитности ожидаемого действия в ближайшем будущем.

Важно отметить, что семантическая бинарность, продемонстрированная в таблице 3, является основной характеристикой словоформы *элек / илик /-галак/* и её модальная сущность непосредственно связана с импликацией, так как именно в ней проявляется субъективность говорящего; следует также подчеркнуть *контекстуальную* формируемость импликации; например, Е.И. Коркина по этому поводу относительно слова *илик* писала: «Значение настоящего времени наклонения неосуществлённого действия состоит в квалификации действия как ещё не совершившегося в момент речи. Притом оно не содержит обязательного оттенка ожидания совершения несовершенного действия» [5, с. 247], тогда как Н.Е. Петров утверждал: «...частица *илик* действие не изменяет, а лишь характеризует его с точки зрения говорящего так, что оно ещё не совершилось, хотя намечено, ожидается» [6, с. 120]. Это свидетельствует о бинарности семантики формы с *элек/илик/-галак*, только она по-разному проявляется: иногда сильно, иногда слабо, а бывает, когда создаётся впечатление,

что импликация вовсе отсутствует. Это зависит 1) от контекста описываемой ситуации; 2) от языка, так как лексикализация происходила по-разному в зависимости от гетерогенных факторов в соответствующем ареале. Очевидно, бинарность категорического будущего времени в тувинском языке обнажилась «благодаря» его лексикализации в родственных языках (она всё же прошла не без влияния на тувинский язык), придавая «былой» категоричности некоторый оттенок размытости.

Таким образом, у нас имеется достаточно оснований, чтобы усомниться по поводу наличия монгольского фактора в происхождении тюркских аналитической (с причастиями *элек/илик*) и синтетической (с формантом *-галак*) форм, выражающих модальность ещё неосуществлённого действия.

Дело в том, что данная версия, рассматриваемая ныне как основная при этимологизации этих форм, строится на *аналогии*: в монгольском языке имеется архаичная форма, представляющая собой сочетание причастия настоящего времени на *-а* с отрицанием *edüi* [9, с. 84–86], которое очень напоминает рассматриваемый нами деепричастный оборот */-а/-й +элек/илик* не только формально, но и семантически, что и служит главным образом основанием для гипотезы о его заимствованности у монгольского языка.

Одним из аргументирующих положений версии является то, что «наличие форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным» [9, с. 87], с чем трудно спорить. Однако в рамках данного положения обсуждаемый факт формально-парадигматического совпадения в разных, но ареально-контактировавших

Таблица 3 – Пример функционирования форманта */-галак/* в тувинском языке в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком

Высказывание с использованием словоформы <i>элек</i>	Смысл высказывания	
	Актуализируемое значение, выражаемое эксплицитно	Неактуализированное значение, выражаемое имплицитно
На тувинском языке: <i>Хүн үнгелек</i>	<i>Солнце вот-вот взойдёт</i>	<i>Солнце всё ещё не взошло</i>
На кыргызском языке: <i>Күн (али) чыгалекек / чыга элек</i>	<i>Солнце всё ещё не взошло</i>	<i>Солнце вот-вот взойдёт</i>

языках может быть трактован с несколько иной, чем в упомянутой версии логикой, если подойти к проблеме с точки зрения исторической хронологии; так, все компоненты словоформы *элек*: древнетюркский глагол *э-* в значении *быть*, формант *ла* в функции частицы (и аффикса), а также формант статальности */-к/* относятся к периоду не позднее *древнетюркского*, который, как известно, датируется примерно 160–730 гг. нашей эры [18, с. 313–319; 252; 792].

Как отмечает Н.Н. Широбокова, причастие настоящего времени монгольского языка, имеющее отношение к обсуждаемой форме, отмечено в памятнике XVII в. «Алтан Тобчи» («Золотой Свод»), хотя имеется версия о том, что автор «Алтан Тобчи» использовал текст «Сокровенного Писания монголов» на уйгуро-монгольском алфавите, относящийся к XIII в. [9, с. 85]. Это свидетельствует о существовании словоформы *элек* с соответствующей семантикой в древнекыргызском языке задолго до появления вышеуказанных монгольских источников.

Таким образом, получает подтверждение выдвинутая Н.Н. Широбоковой и Г.Г. Филипповым гипотеза о древнекыргызских корнях этой формы в якутском языке [9, с. 82; 10, с. 128].

Безусловно, факт «наличия форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах» [9, с. 87], не может быть игнорирован и невозможно его объяснить ничем, кроме как заимствованием. Считаем, что монгольская форма *причастие настоящего времени /-а/ + отрицание edii* представляет собой, скорее всего, кальку с якутского языка, так как сведения учёных «о длительном якутско-монгольском двуязычии» [9, с. 18] указывают на наиболее тесное контактирование этих языков.

Подытоживая вышеизложенное, приходим к заключению о том, что:

- формирование обеих словоформ кыргызского языка: *эле-частицы* и *эле-глагола* – непосредственно связано с древнетюркским недостаточным глаголом *э(р)* в значении *быть*;
- формирование *элек-причастия* и *элек-глагола* непосредственно связано с *эле-частицей* и *эле-глаголом* соответственно;

- парадигма выражения *ещё неосуществлённого действия* реализуется посредством двух грамматикализованных форм:

1) сочетанием деепричастия настоящего времени на */-а/-үй/* со служебным причастием *элек*;

2) сочетанием деепричастия настоящего времени на */-гай/* со служебным причастием *элек*; при этом парадигма (1) является общей для кыргызского и якутского языков, а парадигма (2) является общей для других, в частности, алтайского, хакасского и тувинского языков;

- древнекыргызская словоформа *элек* в функции причастной формы поддается обычной семантической *декомпозиции*, т. е. она разложима на более элементарные части, что указывает на *аддитивный принцип* её формирования: для обеих парадигм общим является семантический континуум: «*будущность действия + категоричность + статальность*», на основе которого формируется значение, «*находящееся в готовности к неперемемному осуществлению*», отражающее *квинтэссенцию* модальности неосуществлённого действия (события) с перманентной устремлённостью к осуществлению.

Поступила: 27.04.23; рецензирована: 16.05.23; принята: 19.05.23.

Литература

1. Грамматика хакасского языка / ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1975. 418 с.
2. *Исхаков Ф.Г.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Е.Н. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.
4. Кыргызско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе, 1985. 2-я кн. 480 с.
5. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке / Е.И. Коркина. М.: Наука, 1970. 308 с.
6. *Петров Н.Е.* Частицы в якутском языке / Н.Е. Петров. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 300 с.
7. *Карпов В.Г.* Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке / В.Г. Карпов. Абакан, 2014. 164 с.

8. *Лувсандоржийн Б.* Исторические связи монгольского языка с саянскими тюркскими языками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1996. 40 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyki-tiurkov/istoricheskie-svazi-mongolskogo-jazyka-s-sajanskimi-tjurkskimi-jazykami.html> (дата обращения: 19.04.2023).
9. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н.Н. Широбокова. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
10. *Филиппов Г.Г.* Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование / Г.Г. Филиппов. Якутск, 2014. 606 с.
11. *Айтматов Ч.* Чыгармаларынын жыйнагы. Повесттер жана аңгемелер / Ч. Айтматов. Бишкек: Шам, 1999. Т. 1. 432 б.
12. Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Л.М. Горелова [и др.]. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1984. 192 с.
13. *Тойчиев М.Т.* Принципы актуализации модальности предположения: дис. ... канд. филол. наук / М.Т. Тойчиев. Хорог, 2021. 200 с.
14. *Айтматов Ч.* Чыгармаларынын жыйнагы. Роман жана аңгемелер / Ч. Айтматов. Бишкек: Шам, 1999. Т. 4. 452 б.
15. *Айтматов Ч.* Повести и рассказы / Ч. Айтматов. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. 620 с.
16. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / И.А. Невская (отв. ред.), Н.Д. Алмадакова, А.Н. Майзина [и др.]. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
17. *Шамина Л.А.* Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке / Л.А. Шамина, Ч.С. Ондар. Новосибирск, 2003. 242 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского мира по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
19. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Э.В. Севортян. М.: Наука, 1974. 767 с.
20. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев [и др.]. Л.: Наука, 1969. 717 с.
21. *Тазранова А.Р.* Семантика аналитических конструкций с формой предположительного наклонения на =ГАдЫй в алтайском языке / А.Р. Тазранова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 3 (36). С. 91–99.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
23. *Арзуманов С.Д.* Забони тоҷикӣ / С.Д. Арзуманов, О.Д. Джалолов. Душанбе: Ирфон, 1969. 417 с.